

«Красный погост» на Опочечком валу

Филимонов А.В., профессор ПГПИ,
гл. редактор ж. Псков

В революционные дни 1917 г. в стране рождались не только новые органы власти, но и праздники, обычаи, ритуалы... Так, вошли в практику «красные похороны», т.е. производившиеся в торжественной обстановке погребения погибших в борьбе за «благо народа, за народное счастье». «Красных борцов» хоронили, как правило, не на обычных, сложившихся веками кладбищах, а отводились для этого новые, наиболее почетные в городах и селениях места. Так повсеместно стали появляться «революционные некрополи» или «красные погосты».

Начало этому положил революционный Петроград: 23 марта (5 апреля) 1917 г. на Марсовом поле состоялись торжественные похороны 184 солдат и рабочих, погибших в дни Февральской революции. Каждому из погибших Петропавловская крепость салютовала пушечным выстрелом. В демонстрации на Марсовом поле в тот день участвовало около 800 тыс. чел., а на сооруженной трибуне находились члены Петросовета и ветераны революционного движения. В дальнейшем захоронения видных партийных и советских работников здесь стали регулярными, на могилах был сооружен памятник «Борцам революции», а гораздо позже (в 1957 г.) зажжен первый в стране Вечный огонь.¹

10 ноября 1917 г. рабочих и солдат, погибших в семидневных боях за власть Советов, хоронила Москва: в братские могилы на Красной площади у Кремлевской стены было опущено 238 гробов. Так родился еще один «революционный некрополь», ставший затем в совокупности с Мавзолеем Ленина главным в стране и названный В.В. Маяковским «красным погостом».²

Аналогичные «погосты» становились привычным явлением по всей стране: они появились в губернских и уездных городах, в ряде крупных сельских поселений, но в отличие от Петрограда и Москвы были скромнее по размерам. В губернском Пскове, например, первоначальным местом погребения «красных бойцов» служил сквер во дворе бывшего Кадетского корпуса, а затем таковых хоронили в братских могилах у Покровской башни, на площади Жертв Революции (бывшая Сенная площадь) и на Дмитриевском кладбище. Не стала исключением и уездная Опочка, где местом «красного погоста» явился древний крепостной вал.

В перечне памятных мест, приведенном авторами коллективной работы об Опочке (1980 г.), обозначен и «памятник героям гражданской и Великой Отечественной войн на Валу» с указанием только трех фамилий – Василия Громова, Олега Жутовского и Доната Предэ.³ Авторы новой книги об Опочке периода 1917-1941 гг. в добавление к указанным назвали еще три имени покоящихся в братской могиле, не приведя, однако, о них никаких подробностей.⁴ Обнаруженные архивные материалы позволяют несколько расширить список, уточнить время и обстоятельства погребения, хотя и эти сведения, скорее всего, не будут полными. Прежде всего, о времени зарождения «некрополя».

Авторы указанной книги очерков отметили, что первым на Опочечком валу был похоронен погибший в 1918 г. начальник Глубоковской волостной милиции Д.С. Предэ, что и положило начало «красному погосту». Думается, однако, что в 1918 г. никаких захоронений на валу еще не производилось, и он в то время в качестве

«некрополя» еще не рассматривался. Так, на собрании Опочецкой организации РКП(б) 5 апреля 1919 г. председатель уисполкома В.В. Громов известил собравшихся, что «тело убитого под Печорами тов. В. Власова отправляется Псковским комитетом партии для похорон к нам, а поэтому нам необходимо принять меры, чтобы похоронить т. Власова». Собрание тут же приняло постановление:

«1. Вменить в обязанность всем тт. коммунистам, находящимся сегодня на собрании, прийти завтра к 5 часам утра в комитет партии, чтобы отправиться на вокзал встретить тело тов. Власова. При встрече тела слово скажет т. Семенов А.

2. Просьбу родных похоронить т. Власова *на общем кладбище* удовлетворить, а на случай дальнейших жертв создать комиссию, которая *должна выбрать место для братского кладбища тов. коммунистов* (выделено нами – Авт.). В комиссию вошли тов. Архипов, Куприянов и Александров.

При опускании тела в яму тов. Власова слово предоставить т. Громову.

Предложить исполкому отпустить средства для увековечения памяти т. Власова. Предложить уездному исполкому переименовать Покровскую улицу в улицу имени т. Власова».⁵

Уисполком выполнил рекомендацию партийного собрания очень скоро – уже 7 апреля 1919 г. Тот же В.В. Громов доложил, что «из состава Опочецкой партии коммунистов на фронте погиб т. Власов», предложив почтить его память вставанием. После этого исполком постановил: «Успенскую улицу с сего дня переименовать во Власовскую, деревню Сущево, где родился и жил Власов, переименовать в деревню Власово. Расходы по погребению т. Власова принять на счет Республики. В исполкоме поставить мемориальную доску, на которую вписывать имена всех погибших коммунистов».⁶

Очевидно, что вскоре после этого утвержденная укомом партии комиссия и выбрала в качестве места братской могилы древний вал, и скорее всего, именно тогда здесь появилось первое захоронение: в могилу опустили тело того самого Д. Предэ (Таким образом, не в 1918 г., а весной 1919 г.). Обустройство же братской могилы началось летом 1919 г., свидетельством чему является постановление отдела управления Опочецкого уисполкома от 12 июня 1919 г. о реквизиции «2,5 куб. м камня у гражданина Никитина для ограды кладбища на валу», т.к. «камни эти находятся без употребления».⁷ А уком РКП(б) в свою очередь постановил устроить 16 августа субботник «членов городской организации», посвятив его «устройству братского кладбища». «Принимая во внимание, что кладбище будет служить украшением вала», уком утвердил смету на его устройство в сумме 16400 руб. (вместо ранее предназначенных 10 тыс. руб.), и просил уисполком отпустить указанную сумму «из местных средств».⁸ Просьба эта была рассмотрена уисполкомом 17 августа 1919 г., и орган власти уезда постановил «весь расход по устройству братского кладбища на городском валу принять на счет Исполкома и отнести его на счет местных средств».⁹ Еще через два месяца, 28 октября, Исполком вновь вернулся к этому вопросу. Обсудив просьбу «о дополнительном ассигновании средств на постройку братского кладбища на валу», он постановил: «отпустить просимую сумму – 4790 руб. из средств депозита Исполкома и предупредить экономический отдел, что впредь ходатайства не будут рассматриваться до предоставления отчета об израсходовании средств».¹⁰

Трудно с определенностью сказать, кто же был погребен в братской могиле вторым после Д. Предэ, но протокол заседания укома РКП(б) 13 ноября 1920 г.

рассмотрел заявление «гражданки Жадринской волости, д. Болохи Матрены Ивановой об оказании помощи ей в доставке ее мужа на братскую могилу, убитого белыми на местном фронте». Постановление укома было следующим: «Предложить уисполкому оказать полное содействие в перевозке тела убитого т. Петрова, делегировав для доставки тела тов. Блохина, который должен доставить тело на братскую могилу в Опочку, в то же время предложить военкому встретить тело с музыкой».¹¹

В годы гражданской войны были сделаны по обустройству братской могилы только первые шаги, а с наступлением мирных дней начались работы по благоустройству древнего вала в целом. Например, в начале мая 1922 г. в городе проводился праздник «древонасаждения», и местом для посадки деревьев был избран «городской вал». Незадолго до этого на валу силами 15 заключенных исправдома были проведены «подготовительные работы», а непосредственно посадка производилась «силами Всеобуча и добровольным участием членов профсоюза».¹²

Похоже, что хоронили на валу далеко не всех погибших за Советскую власть (особенно павших вдали от родных мест), а вот почтить их память для уездной организации РКП(б) считалось делом чести. На заседании укома партии 22 июня 1922 г., например, было оглашено письмо, что «член Опочецкой организации т. Крылов Алексей Петрович убит белогвардейцами на Карельском фронте», и присутствующие почтили «память погибшего товарища вставанием».¹³ Не менее важным считалось увековечить память ушедших и оказать посильную помощь их семьям. Так, уисполком 3 февраля 1924 г. рассмотрел представление укома партии «об отпуске семье умершего советского работника т. Яковлева необходимых средств», посчитал необходимым ежемесячно выплачивать ей по 30 руб. золотом и одновременно записал в решении: «Умершего т. Яковлева признать героем гражданской войны, в виду этого переименовать Полоцкую улицу в проспект тов. Яковлева».¹⁴ В октябре того же 1924 г. уком партии вновь вернулся к вопросу об обеспечении семьи «члена РКП(б) т. Яковлева, умершего 21 января 1924 г.», решив назначить ей пенсию. «Яковлев Николай состоял членом РКП(б) с 1918 г., за время пребывания в Коммунистической партии зарекомендовал себя стойким и преданным борцом Коммунистической партии и Советской власти, – отмечалось в представлении. – В 1919 г. был командиром кавалерийского отряда по борьбе с бандитизмом, где проявил беззаветную храбрость и преданность октябрьским завоеваниям, за что был награжден РВСР кожаным костюмом и золотой шашкой. А также т. Яковлев занимал ответственные должности: зав. отделом труда, председателем комдеза и др. Все возложенные на него обязанности выполнял честно и аккуратно, проявлял инициативу. Все заслуги т. Яковлева перечислить не представляется возможным за большим количеством таковых. Будучи почти все время на военной службе, Яковлев потерял здоровье (получил несколько ран), что и послужило причиной его смерти. Он оставил большую семью – 8 чел., а трудоспособной является только одна жена, без всяких средств к существованию. Принимая во внимание заслуги т. Яковлева перед Советской властью», уком партии ходатайствовал перед усобесом о назначении его семье персональной пенсии.¹⁵ Но о том, где был похоронен этот «герой гражданской войны» – документы, однако, умалчивают. Аналогичным образом уисполком 2 апреля 1924 г. просил «губернскую комиссию по оказанию помощи семьям погибших в гражданской войне» назначить персональную пенсию «жене погибшего коммунара

гр. Буровцевой».¹⁶ И опять, как в предыдущем случае, место захоронения «коммунара» не указывалось.

Зато определенно известно другое. 20 августа 1922 г. уком рассмотрел вопрос «о погребении тела коммунара т. Тиханова, умершего в больнице». «Тов. Тиханова, как коммунара ЧОН, похоронить на братской могиле на валу, - гласило принятое постановление. – Распорядительную и церемониальную часть похорон возложить на КомЧОНу. Расходы по погребению возложить на УЗУ, как учреждение, в котором служил умерший».¹⁷

Хоронили на валу, видимо, и других, но в документах сведения об этом не сохранились. Корреспондент губернской газеты «Псковский набат» Березский, посетивший Опочку в июне 1923 г., заметил, что «на самом верху» вала – «братская могила, приютившая тела пяти расстрелянных питерских рабочих и погибших опочецких коммунаров».¹⁸ Имена погребенных при этом не назывались, но не исключено, что в числе этих пятерых были и упоминавшиеся выше люди.

Зато благоустройство вала продолжалось. В 1923 г., например, в «День леса» здесь была произведена посадка более 60 каштанов.¹⁹ Вал неизменно включался в число объектов, посещаемых в дни революционных праздников и во время других торжественно-траурных мероприятий. Так, в день похорон В.И. Ленина в январе 1924 г. в Опочке состоялась траурная демонстрация. Шествие под звуки духового оркестра, с пением «Интернационала» и других революционных песен прошло по городским улицам на Советскую площадь, где состоялся митинг, после чего демонстранты направились «на братские могилы для воспоминаний о погибших борцах революции».²⁰ Подобным образом торжественные мероприятия проходили и в годовщины Октябрьской революции.²¹

Не самым лучшим образом сказывалось на состоянии вала с «революционным некрополем» соседство последнего с расположенными здесь же увеселительными учреждениями с азартными играми. С дореволюционных времен на валу находился Летний театр, сданный в условиях НЭПа в аренду коллективу артистов; они и должны были поддерживать в порядке территорию.²² В августе 1923 г. уисполком удовлетворил просьбу артистов и санкционировал открытие на валу карточного клуба, доходы от которого поступали в пользу уэкося.²³ Инструктор губисполкома Н.А. Лилоссон, обследовавший в феврале 1924 г. работу Опочецкого уисполкома, признал существование карточной игры в одном здании с театром неуместным и рекомендовал переместить карточный клуб в другое место – «дабы не совмещалась в одном помещении культурная и антикультурная работа». Председатель Опочецкого уисполкома, однако, к этому мнению не прислушался, заявив, что «уисполком, не имея других доходов, выручает от карточного клуба солидную цифру» (до 200 золотых рублей в месяц).²⁴ Более того, в июле 1925 г. к игре в карты добавились буфет и игра в лото; гулянье и игры разрешались до 2-х часов ночи.²⁵ В июне 1927 г. здесь же по ходатайству Авиахима был открыт стрелковый тир.²⁶ Все это отнюдь не гармонировало с расположенными поблизости могилами, но реальность складывалась именно так.

В конце 1927 г. на валу состоялись самые резонансные в 1920-е гг. похороны. 13 декабря после тяжелой болезни скончался Василий Васильевич Громов, и все вопросы, связанные с его погребением, решал Опочецкий райком ВКП(б) (Опочка к тому времени уже перестала быть уездным городом). 15 декабря 1927 г. он заслушал

доклад специальной комиссии «О похоронах члена ВКП(б) Громова В.В.» и принял следующее постановление:

«Т. Громова похоронить на братской могиле (на валу), время похорон 16.XII.27 г. в 2 часа дня, сбор назначается у здания ВКП(б), всем партийцам объявить о сборе к райкому, то же и комсомолу.

Предложить фракции райисполкома дать распоряжение по всем учреждениям и предприятиям об отпуске с работы рабочих и служащих, желающих посетить траурную процессию.

Тело т. Громова В.В. перенести из больницы в клуб физкультуры 15.XII в 3 часа дня, где установить показательный караул до момента похорон (караул поручить разработать т. Роцевскому). Во время похорон устроить военный салют. Данную работу поручить оформить фракции райисполкома.

На гроб т. Громова возложить венок от райкома, райисполкома и горсовета и от Союза Рабпроса. Смету расходов на похороны в сумме 61 руб. утвердить».²⁷

«Сегодня в 2 часа дня в г. Опочке будет похоронен один из большевиков, один из преданнейших революционеров – Василий Васильевич Громов, – писалось в некрологе, опубликованном в окружной газете «Псковский набат». – Продолжительная и изнурительная болезнь свела Василия Васильевича в могилу.

В партии В.В. Громов работал с 1905 г. В 1912 г. был царским правительством выслан на три года. По социальному положению В.В. Громов – рабочий, ленинградец. В октябре В.В. Громов был членом Ревельского ревкома и работал комиссаром полка. В нашей организации т. Громов работал с 1918 г. Его выбирали в губком, в губисполком. В.В. Громов нес ответственные посты председателя губисполкома, секретаря губкома, и в 1919 г. т. Громов был избран членом ВЦИК. В 1919 г., в самое тяжелое время В.В. Громов был брошен на советскую работу в уезд, председателем Опочецкого райисполкома.

Тяжелая нервная болезнь, жестокий туберкулез легких и горла заставил т. Громова уехать на юг, в Крым. Последнее время В.В. Громов был секретарем Евпаторийского райкома партии.

Василий Васильевич всегда был примером большевика. Некоторые партийцы помнят, как он уже больным шел на организуемые субботники и ни за что не хотел уйти с субботника, хотя его и в губкоме ждала срочная работа. «Если не мы, то кто же должен быть примером», - говорил он.

В общественной и личной жизни В.В. Громов был примером для молодежи, неутомимым работником, и вот теперь черная каемка траурного объявления извещает нас о его смерти.

Спи спокойно, дорогой и любимый товарищ! Твоя жизнь и работа всегда будет примером для поколений, твое дело в надежных руках выросших с тобой большевиков».

Накануне похорон в Опочку для участия в них выехал член Псковского окружкома ВКП(б) В.В. Степанов, доставивший венок от окружных организаций, траурные объявления с выражением соболезнований опубликовали опочецкие районные организации.²⁸ Извещение о смерти В.В. Громова поместила и окружная газета «Псковский пахарь».²⁹

Через несколько месяцев, в мае 1928 г. Опочецкий райком ВКП(б) просил Псковский окружком выйти с ходатайством в ЦК ВКП(б) о назначении жене умершего В.В. Громова – Вере Алексеевне – персональной пенсии, т.к. она с

родителями-инвалидами (матерью и отцом) «осталась в необеспеченном состоянии».³⁰

Таким образом, число захоронений на «красном погосте» постепенно увеличивалось, и Опочечкий райком партии неоднократно выносил постановления «о приведении в порядок братских могил» (как в райцентре, так и в сельской местности), т.к. они в дни революционных праздников (например, 7 ноября) посещались «демонстрациями с краткими митингами».³¹ А в апреле 1928 г. райком ВКП(б), заслушав доклад о благоустройстве города, в качестве одного из мероприятий предложил к 1 Мая «ускорить оборудование вала и устройство моста на вал».³² Несмотря на выносимые решения, территория вала порой принимала весьма неприглядный вид, на что обратила внимание окружная газета. «В Опочке позади города есть вал, куда по вечерам рабочие и служащие приходят отдыхать, – писала она летом 1929 г. – Но на валу есть братские могилы, которые совсем заросли травой, и никто их не приводит в порядок...». Тут же газета сообщила, что 9 июня комсомольцы кожевенного завода организовали субботник и благоустроили могилы.³³

Следующие похороны на валу состоялись через несколько лет – в начале 1936 г. 17 января 1936 г. скончался «старый большевик-подпольщик, один из первых организаторов борьбы за Советскую власть в бывшем Опочечком уезде, участник гражданской войны и активный участник социалистического строительства» Олег Васильевич Жутовский. Родился он в 1890 г. в Опочке в семье кучера, работал на трубочном заводе в Петербурге, в 1913 г. примкнул к революционному движению, а в 1914 г. вступил в ряды РСДРП. Вернувшись в 1917 г. из революционного Петрограда на родину, он вел агитацию за установление Советской власти в уезде среди рабочих местных предприятий и солдат дислоцированного здесь 298-го пехотного полка. Он же сформировал в Опочке первый партизанский отряд из 75 кавалеристов, стал его командиром и сыграл решающую роль в победе Советской власти, арестовав городского голову. Жутовский был также первым председателем уездного ревкома, председателем уисполкома, а затем был назначен уездным военным комиссаром, возглавил борьбу с германскими интервентами и белогвардейскими бандами. В начале 1919 г. отряд Жутовского ушел на борьбу с Колчаком, затем он боролся с бандами на Кубани и Северном Кавказе, был комиссаром одного из кораблей Балтийского флота. После гражданской войны О.В. Жутовский находился на хозяйственной работе, учился в дорожном институте в Ленинграде, в 1933-1934 гг. работал в Ленинградском областном совете «Автодора», а в 1934 г. был направлен в Опочку на должность начальника районного дорожного отдела, которую занимал вплоть до своей кончины. В районной газете была опубликована биографическая справка об О.В. Жутовском, соболезнования от районных организаций, «группы бывших красногвардейцев и красных партизан», и сообщение «от комиссии по организации похорон»: «Похороны О.В. Жутовского состоятся 20 января, сбор в Доме культуры в 3 часа дня. Вынос тела в 3 часа 30 минут дня на братское кладбище (городской вал)».³⁴

А 30 мая того же 1936 г. в Опочке состоялся грандиозный колхозный праздник с участием не менее 4000 чел. – ударников колхозов, совхозов, МТС, предприятий, в том числе 400 стахановцев. В райцентре установили портретную галерею 50 передовиков, на въездах в город соорудили праздничные арки, а древний вал был освещен и иллюминирован.³⁵ Братские могилы на валу становились одним из главных памятных мест города.

Примечания

- ¹ Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград: Энциклопедический справочник. М.,1992. Сс. 365-366
- ² *Абрамов А.С.* У Кремлевской стены. М.,1974. Сс.5, 9,11,13
- ³ *Васильев Н.И., Степанов А.В., Федоров Т.Ф.* Опочка. Изд. 2-е. Л., 1980. С.116
- ⁴ *Алексеев С.А., Кондратеня А.В.* Опочка. 1917-1941: Сборник статей и материалов. Псков, 2012. С. 125
- ⁵ Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). Ф. 5713. оп.1. д.47. л.15
- ⁶ Государственный архив Псковской области (ГАПО). ф. Р-590. оп.1. д.269. лл.36-37
- ⁷ Там же. л.86
- ⁸ ГАНИПО. Ф. 5713. оп.1. д.42. л.69
- ⁹ ГАПО. ф. Р-590. оп.1. д.269. л.93
- ¹⁰ Там же. Л. 127
- ¹¹ ГАНИПО. Ф. 5713. оп.1. д.82. л.30
- ¹² ГАПО. ф. Р-590. оп.1. Д. 1031. л. 74
- ¹³ ГАНИПО. Ф. 5713. оп.1. д.250. л.14
- ¹⁴ Там же. Д.326. л.46
- ¹⁵ Там же. Д.344. л.132
- ¹⁶ ГАПО. ф. Р-590. оп.1. д.1539. л.67
- ¹⁷ ГАНИПО. Ф.5713. оп.1. Д.223. л.27
- ¹⁸ Псковский набат. 1923. 20 июня
- ¹⁹ ГАНИПО. Ф. 5713. оп.1. д.327. л.263
- ²⁰ Там же. Д.355. л.27
- ²¹ Там же. Д. 490. л.176
- ²² ГАПО. ф. Р-590. оп.1. д.1539. л.96
- ²³ Там же. Д. 1031. л.127
- ²⁴ Там же. Д. 1603. л.1
- ²⁵ Там же. Д. 1540. л.114
- ²⁶ Там же. Д. 1917. л.74 об.
- ²⁷ ГАНИПО. Ф.6749. оп.9. д.6. л.51
- ²⁸ Псковский набат. 1927. 16 декабря
- ²⁹ Псковский пахарь. 1927. 17 декабря
- ³⁰ ГАНИПО. Ф.6749. оп.9. д.42. л.141.

Утверждение, прозвучавшее на краеведческих чтениях в Опочке в 2010 г. о том, что 1927 год является «годом начальных репрессий», и предположение, что, «возможно, Громов был бы арестован, но тяжелобольного человека не тронули, или не успели арестовать», что во избежание этого супруга В.В. Громова уничтожила фотографии «соратников Василия Васильевича по Крыму» (*Федотов Д. В.В.* Громов. Жизнь и судьба революционера (рук. – Н.М. Кург) // Потомкам древнерусской Опочки Материалы историко-краеведческих чтений. Опочка, 2011. С.106-107), вызывает серьезные сомнения. Во-первых, говорить о начале массовых репрессий для 1927 г. еще рано: таковые развернулись с 1934 г. Во-вторых, опасения в возможном аресте Громова в 1927 г. беспочвенны: его репутация у руководства губернии и уезда была тогда безупречной, свидетельством чему являются торжественные его похороны. Если супруга и уничтожила какие-либо документы и фотографии, то это, видимо, было позже, – уже после смерти В.В. Громова, возможно даже в 1937 г., или чуть раньше, когда ее «стали вызывать в различные органы, запугивать» (Там же. С.106).

³¹ Там же. Д. 36-а. л.9

³² Там же. Д.42. л.112

³³ Псковский набат. 1929. 14 июня

³⁴ Колхозная стройка. 1936. 20 января

³⁵ ГАНИПО. Ф.6749. оп.9. д.413. л.85